

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Молодость

ОРГАН ПАРТИННОГО, КОМСОМОЛЬСКОГО, ПРОФСОЮЗНОГО КОМИТЕТОВ И РЕКТОРАТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Год издания 2-й № 22 (62) | Пятница, 30 декабря 1966 года. | Цена 1 коп.

Ректорат, партийная, профсоюзная, комсомольская организация института и редакция газеты «Молодость» поздравляют всех — студентов, преподавателей и служащих института с Новым, 1967, годом.
Мы от души желаем всем доброго здоровья, радостного труда, творческих удач, интересных, смелых исканий.

Так уж повелось, что «Молодость», которой первого января исполняется два года, выработала свой стиль праздничных номеров.
Филологи внесли в нее свой дух, дух анкетирования и интервьюирования. Вот и теперь мы, в силу сложившейся традиции, обратились с рядом предновогодних вопросов к Д. Я. Воробьевой, В. С. Ивановой.

Зав. кафедрой французского языка, доцент Дина Яковлевна Воробьева:
— На кафедре у нас работает дружный, квалифицированный коллектив: семь старших преподавателей, три ассистента, трое работают над диссертациями; публикация осуществили М. Л. Лазар и я. Мы добились очень высокого качества учебных занятий, особенно по

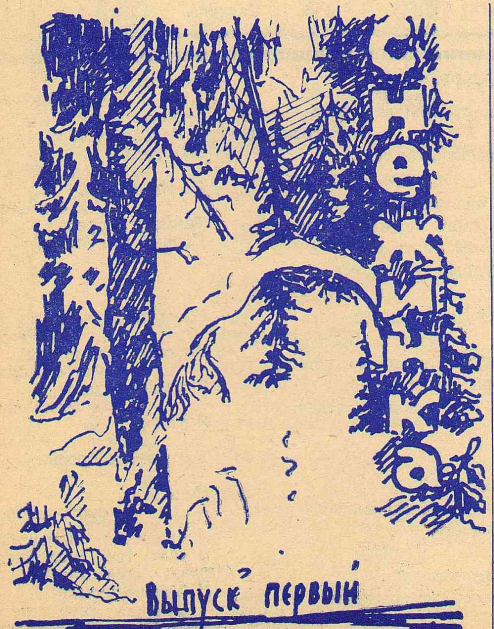
устной практике. Здесь надо отметить преподавателей А. С. Корзо, М. Л. Лазар, А. С. Русакову. В настоящее время в некоторых школах города ведется подготовка будущих студентов нашей кафедры. С этой целью в нескольких школах города преподается на общественных началах французский язык во вторых и третьих классах. Всего обучаются 120 детей. Эту работу проводят наши студенты Филиппова, Дворкина, Городецкая, Демина, Осипова, Клейнер, Табаченко под руководством М. Л. Лазар.
Мы довольны, что создается база для педагогической практики.
— Каковы ваши планы на

Худ. Е. Фельман.

будущее?
— Во-первых, всей молодежи (а у нас семеро молодых) успешно сдать кандидатские экзамены. Во-вторых, добиться, чтобы французский язык преподавался в возможно большем числе школ города (сейчас он преподается в 15-и школах, а раньше преподавался только в трех).
— Что пожелать студентам? Студентам хочется пожелать успехов в учебе, выпускникам — успешной работы по месту назначения, стремления подготовить почву для преподавания французского языка в районах области. Вот, пожалуй, и все...

Преподаватель кафедры педагогики, доцент Вероника Сергеевна Иванова:

— Год 1966 я запомню на всю жизнь: мне посчастливилось быть участницей Международного конгресса психологов. Неделя, проведенная в Москве, на переднем крае науки, ощущение необыкновенной жизненной полноты, непосредственное общение с зарубежными коллегами — все это, безусловно, самое яркое событие прошедшего года.
Планы на будущее? Самые разнообразные. Это и педагогическая деятельность, и научная работа со студентами. Меня очень радует, что психология привлекает к себе столько энтузиастов из числа студентов, серьезно занимающихся ее изучением. В планы входит и моя научная работа, приносящая мне исключительное наслаждение.
Думаю, что год будущий принесет новые открытия и задачи, которые еще надо будет решить, чтобы явления человеческой психики не были для нас загадкой.
Уже по этим беседам ощущается, в каком напряженном ритме живет наш институт. Это хороший трудовой ритм. Отрадно сознавать, что в него смогли включиться и наши первокурсники. В предновогодние дни хочется поздравить их с большой радостью — ведь это первый их студенческий новый год. Пусть этот год будет для них первой удачей, пусть он еще раз докажет, что они правильно определили свое место в жизни. Хочется поздравить и наших выпускников, которые стоят уже у дверей большого школьного здания.
Больших — больших успехов вам, друзья!

Выпуск первый

НОВОГОДНЕЕ —

Раз в году к нам приходит
Смешливое юркое детство.
Зажигает огни
И приносит игрушки
с собой.
Постоит у окна
И присядет у печки
погреться.
Вот оно. Оглянись —
И дотронуться можно
рукой.
Разнарядит весь дом
В необычные яркие краски.
Превратится в лису,
Опояшет цветным кушаком.
Уведет на обрыв
И посадит с собой
на салазки.
Вновь затеет игру
И ударит пушистым
снежком.
Ни перечить ему,
Ни смущаться поступков
не надо.
Пусть ведет по земле,
Как водило по сказочным
снам.
С ним отправишься в путь

Ю. ПЛотов.

По узорному тихому саду
И на почту зайдешь
И открытки напишешь
друзьям.
И на сердце тепло.
Оттого, что оно
по соседству.
И стучится к тебе
Пошуметь, пошутить,
помечтать...
Раз в году
Человек возвращается
В милое детство,
Чтобы вновь повзрослеть,
Чтобы дальше упрямо
шагать.
■ ■
О. МИРОШНИКОВА
Спой мне песню
обо всем на свете:
О лебяжьем снеге,
синем лете.
О морских
неласковых приboях,
Об охриших
дремлющих gobях.
Спой мне песню
о земле, о небе,
О полях,

осеннем теплом хлебе,
Обо всем...
а я прикрою веки,
Стану слушать я
о человеке.
◆ ◆
Мне кажется, каждый шаг твой
сумею предугадать.
За полсекунды до пропасти
успею тебя удержать.
Беды твоей черную пилу
узнаю, стрелой собою,
А вещей мне сон приснится,
все тропки в одну совою.
И вовремя, чтоб спасти тебя,
примчусь, задохнусь на бегу.
С тобой ничего не случится,
пока я тебя берегу.
◆ ◆
Разбуди меня, светлый
маятник,
Бледный маятник, лиц луны,
В темном сне своем так
намаялась.
Натерпелась я без винь,
Ты придвинь ко мне небо
темное,
Лишь ресницы мне отвори,
Проводи меня окоемами
В самый край земли, край
зари.
Пропую заре песню звонкую,
Руки солнышку развяжу,
Над родною своею сторонкою
Родниковый день разбужу.

Первокурсник, знай, что...

Д. ГУТЕНЕВ

1. Перейти на самообслуживание — это не значит самому заполнять зачетную книжку.
2. Не относиться к себе безжалостно!
3. Утешайся мыслью, что богатством студента являются его мечты.
4. Стипендию можно и не зарабатывать, но в этом случае надо обладать избытком юмора.
5. Экзамены — это игра, в которой один знает и молчит, а другой не знает и говорит.
6. «Неуд» — свидетельство того, что преподаватель еще не наслаждался твоим обществом и предлагает встретиться вторично.
7. Студенческий «хвост» следов не заметишь.

Тоскует гитара.
Обрывки фраз,
Костер,
И звезды в кулак.
А темень вокруг,
Как ворона глаз,
Не понять,
Не прогнать никак —
Давит
И листья, срываясь, сыпятся.
По крыше палатки
царапают...
За душу цепляются листья...
На землю горячими
горькими каплями
Падают...
Всхлипывает ветер:
«Ра-аз» и «Ра-аз»...
Будто плачет кто-то в кустах.
А темень вокруг,
Как ворона глаз,
Не прогнать,
Не понять никак...

РАССЛЕДОВАНИЕ... БУДЕТ

Буквально за день до Нового года Ольга Александровна, уходя из фундаментальной библиотеки, забыла закрыть дверь. В 10-м часу вечера, расставив последние книги, я пошла домой. Но прежде чем уйти, я еще раз обернулась, чтобы посмотреть, все ли в порядке и... остолбенела. Дверь фундаментальной вдруг широко распахнулась и в тот же миг кто-то чуть не сшиб меня с ног. Не увидев никого в пустом зале и решив, что все это мне только показалось, я направилась к фундаментальной. И уже взявшись за скобу, чтобы приоткрыть дверь, как ясно услышала:

— «Тише, граждане, тише! Кто-то идет».

Потом наступила тишина. Но через минуту послышался стук падающих книг.

Я притаилась за косяком двери. Встав на цыпочки и вытирав шею, я увидела:

На столе Ольги Александровны спиной ко мне стоял какой-то квадратный маленький человечек. «Я вас слушаю, господа», — прокашлявшись, сказал он, обращаясь к таким же маленьким человечкам.

Вперед вышел человек в бежевом костюме; что-то знакомое было в его внешности, но полумрак библиотеки не давал хорошо рассмотреть его черты. Быстрыми движениями он расстегнул пиджачный костюм, и все увидели... голый скелет.

— Где моя теплота? Где моя кровь, что согрела мое тело? Все выкачали. Кому я теперь такой нужен? Никому. Со мной кончено. Но преступники-то, господа, на свободе. Они еще не одного так искалечат! Моя фамилия Кудрявцев, и я первый обращаюсь к вашей помощи, — вытерев пот с лица, он устало сел.

— Посмотрите, господа, на мои увечия, — сказала солидная дама, поднимаясь на стул, — могу ли я работать и служить людям? Мне положено прожить десять лет, а они у меня на третьем году жизни сердце вырезали. Голубая кофточка поднялась, и мы все увидели страшную раню.

Подвиньтесь, дорогая Иверонова, — сказал человек в очках. — Ну, мы покалечены — ладно, но ведь... они... и до молодежи добрались. Вот они братья, — «Вопросы литературы» — рождения 1965 и 1966 г., а у них уже нет ни ки-

шечников, ни селезенки.

— Вот тут и поживи и послужи людям. Удивляюсь, как только я живой остался. Очень хочу заняться их воспитанием. Ко мне бы их, в колонию. Вы уж помогите нам найти их. А мы их постараемся уж воспитать. — обратился он к солидному гражданину, сидящему на столе.

Любопытная Луна заглянула в окно, и я ясно увидела всех собравшихся тут. И как я сразу не догадалась! Да это же наши учебники! Это они — Иверонова, Кудрявцев, Макаренко. Несчастные калеки так бежали сюда, что чуть не сшибли меня с ног.

А приметы хоть один из вас помнит? — пробасил сидящий на столе.

— А как же, помним, — и

они наперебой начали перечислять: — веселый, молодой умный, начитанный, в очках и т. д.

— Довольно, господа, отпечатков пальцев слишком много, приметы расплывчатые. В общем дело, интересное и сложное, и я охотно берусь вам помочь.

В этот момент он обернулся, и я узнала знаменитого... Шерлока Холмса.

Оставив дверь фундаментальной незастворенной, я потихоньку удалилась.

— Так что, товарищи студенты, знайте, что в 1967 году Шерлок Холмс выдаваться в библиотеке Пединститута не будет. Он взялся за расследование интереснейшего дела...

Э. БЛИНОВА,
библиотекарь читального зала.

Из экзаменационного разговорника.

Хвост — то, что оставляет студент (ящерица), наступивший врасплох. Например, студент на 4 курсе, а хвост оставлен на 2-ом.

Хвостун — (не путать с хвастуном) — приятель хвостиста, который обычно говорит так: «Ничего, старик, прорвемся. Держи курс на передачу».

Шпаргалка (сокращенно «шпора») — письменный документ, в котором записано то, что студент не знает, и то, что он хотел бы знать. Составляется для преподавателей и деканата, умеющих делать выводы.

Завал — катастрофа. Признаки: студент покидает аудиторию, слегка пошатываясь. Вот тут и появляется хвостун с неизменной фразой: ничего, старик, и т. д...

Ал. ЮДАХИН.

НОВОГОДНЕЕ

Я очень устаю от города,
Так поезд устает от рельс,
И мне приходит часто в голову
Танцевальный тарусский лес.
Тот лес,
где прятались веками

В Оку, в сугроб,
в березку, в клен.
Где снег на лапнике сверкает
Бенгальским
искристым огнем.

Живу в Тарусе новогодней —
Блаженной места не искал,
Но здесь, в лесу,
приходит в голову
Покинутая мной Москва.

Январь,
спасите,
что мне делать?

Я задыхаюсь,
я больной...
Как терапевт, в халате белом,
Январь склонился
надо мной.

Два года назад наш институт окончила Наташа Алферова. Училась она на филологическом факультете. Теперь Наташа работает в Новой Биче Усть-Ишимского района нашей области.

Край далекий, и нет там ни библиотек, ни городских удобств — да просто нет города, милого, привычного для Наташи Омска с его улицами, с институтом, с друзьями...

Но Наташа удивительный человек: она не падает духом, живет полной, радостной своими открытиями жизнью, умеет разделить свою радость с ребятами, а еще... еще Наташа пишет стихи. Они интересны своим видением мира. Некоторые мы публикуем сегодня.

У Наташи очень хорошие письма. В них она сама, ее горе, радость, и в каждой строке напряженный ритм ее жизни.

Очерк о Наташе Алферовой читайте в 1967 году.

Н. АЛФЕРОВА

Ты говоришь: тайга — это
бесконечность.

Навевающая скуку
и страх перед мраком.

А мне кажется,
тайга — это прежде всего
Сосны, пихты и кедр.

Мудрые — мудрые
и очень добрые.

Они впитали в себя
тысячи искорок солнца.

И раздают их в дар людям,
Которые поверили

в их человечность.

★

Я иду
в бесконечность улиц,

Куда иду,
не знаю,

И это неважно.

Я иду одна со своими
мыслями
А может быть, не одна?

Может быть,

ты со мною рядом?

Только я и ты
И больше никого, правда?

Мы идем
в бесконечность улиц...

Но где-то там,
в бесконечности.

Темноту прорежет
Первый луч солнца.

★

На свете много слов
очень родных.

Но всех дороже мне
Простое здравствуй!

Так много в нем
тепла и света...

Я знаю,
как и я,

Ты одиноко бродишь
где-то,

Но верю,
скоро ты придешь
И скажешь: «Здравствуй!»
В глаза твои загляну,
Отвечу: «Здравствуй!»
И больше ничего
тебе я не скажу.
Быть может лишь спрошу:
Где был так долго ты?

— Приготовьте кабинет для экзамена.

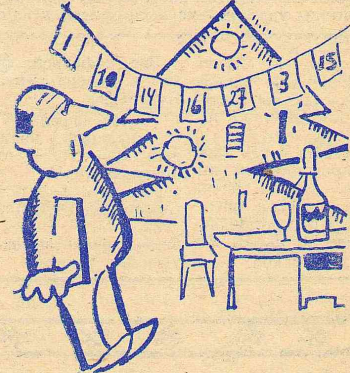

Рис. А. Савкина.

ЕСЛИ БЫ НЕ ГОСТИ

Как всегда, перед Новым годом редакция «Молодость» потеряла ответственного секретаря. Положение было почти критическим, ибо ряды энтузиастов заметно поредели; вотще воображение в редакции товарищей зовут; иных уже нет, других науки гложет червь, а третьи с переклички братской несут другие выпускать газеты; — Здесь не помешает специальное заседание, — завязал на галстук узелок секретарь партбюро В. М. Самосудов.

Телефон на филфаке трепетал, не переставая. Зам. декана В. М. Физиков швырял в трубку рублиные фразы: «Терлева нет. Вообще нет, Лебедев занят».

И все было бы совсем ужасно, не произойди нечто непредвиденное.

Делегация уральских комсомольцев давно мечтала о поездке в Омск. Наконец, собрав деньги от индивидуальной сдачи макулатуры и костей, ураль-

ния по шахматам идут, — доверительно сообщает не участвующий в поединке парень, — команды никак собраться не могут, так мы подобрались тут и на ходу тренируемся.

— А вы кто? — подскочил парень в лохмотом свитере с бегающими глазами.

— Мы, собственно... с Урала.

— В походе? — энергично рубанул воздух тот, в свитере.

— Мы...

— Пошли, — решительно сказал свитер, и делегаты гуськом двинулись следом. Тем более, что на воротах свитера красовался загадочный «СК ОПИ».

Всю дорогу и, позднее, в стенах уже не столь загадочного ОПИ (оказалось, что это вовсе не концерн синтетического каучука с педвузом, а наоборот), парень, отчаянно жестикулируя, выкрикивал:

— Закалки больше! Кого хотим вырастить? Фальковичей или мимоз?

Делегаты ходили за ним по кабинетам, смотрели, как стучит он костяшками пальцев по столам.

— Что ему надо?

— Кафедру туризма выколачивает, — удивлялись необузданное любопыство гостей хозяева — члены секции туризма ОПИ.

— Наконец-то и к нам делегации стали ездить, — вскричали многочисленные обитатели профкома плюс комитета ВЛКСМ.

— Да ведь мы...

— Ходите, смотрите, увозите впечатлений.

Пути к бегству были отрезаны. День наполнился зрелищными потрясениями. Налобованшись как Д. Гуленев выколачивает кафедру туризма, а новый казначей профкома В. Баранова складывает в кучку пятаки на приобретение новогод-

ней елки, делегаты пошажали в творческую массу — на филфак.

В старом — престаром здании лепились филологи. Здесь же коротала свой только что начавшийся век комиссия по эстетическому оформлению здания. Она не дремала — она крепко спала под неусыпным руководством Е. И. Чистикова.

Все было внове для гостей, все их занимало, притягивая необычностью.

КАРИНА 1

По вестибюлю вальняжной походкой двигались разноликие толпы — швейцар тетя Тася нехотя комментирует:

— «Да это с атеизма пошли. Тоже ведь и обидно, — в бога не верят, а атеизм слушай. С этих лекций многие уходят...»

В аудитории, где читают атеизм, обнаружены немногие индивидуумы во главе с Нелей Пименовой из 46 группы.

Делегаты переглядываются. Как видно, многое их на филологическом факультете удивило...

Делегаты переглядываются.

КАРИНКА 2

В тесном и шумном кабинете русского языка группа студентов оживленно беседует.

— Чем вы занимаетесь? — по-братски вопрошает глава уральской делегации.

— У меня доклад, — бойко сообщает девушка с черными крашеными глазами. «Тема ревности и разлуки в народной песне». Возьмем характерную для народа частушку:

«А вспомни, ведьма, хоть разок, Чтоб я из дому убер, Ну, когда же надоест тебе гулять?»

С гаражу я прихожу, Язык на спину положу И бежу тебя по городу искать».

— Интересно, — восклицают делегаты. — А у вас какая тема?

Фигура угрюмо — меланхолического вида равнодушно вещает:

— Доклад называется «Об инкорпорировании и конверсии в аглютинативном строе».

Делегаты потрясены и робко оглядываются. Ученость!

КАРИНКА 3

Пустой коридор. Из аудитории доносится вкрадчивый голос:

— Студентка Галиченко, будьте любезны, объясните, почему у вас свободное посещение лекций?

— У меня маленький ребенок.

(Голос в шоке): — Ребенок? Сядьте. Что скажет Андреева?

— Простите, мне трудно ответить, у моего сына ночью температура поднялась.

— У вас значит, у многих перед экзаменами детки появились?

Сдавленный ропот аудитории.

— Думаете, — говорит преподаватель, — я не вижу, как вы подучиваете надо мной? Детей вот набрали откуда-то. Чтобы никаких ссылок на детей! Только лекции! Только конспекты! Только...

Делегаты с минуту не шевелятся, ошеломленные.

— Да вы не волнуйтесь, — добрый голос с лестничного пролета, — это И. А. Здор семинары ведет.

Отягощенные впечатлениями, делегаты отправляются в общежитие № 1.

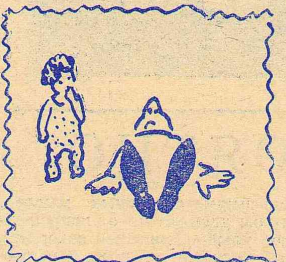
КАРИНКА 4

4-й этаж. Комната как комната, только раздесться нельзя и сесть тоже — примерзаешь.

Студентки настроены бодро. «Ничего, — клацая зубами, заявляют они, — прохладно, зато с естественным знакомиться стали. Вот на окнах ледяные сталактиты вырастаем.

И красиво, и удобно — под крошечку сосульку присособили.

Да у нас уже специалисты были — никто ничего сделать не может. На сталактит посмотрят и уходят, — тоже, семью у всех, кому мерзнуть охота.

Та же комната через два часа. Сталактит тае. Первокурсник с худрафа пришел, подул куда-то — исправилось. Почему специалисты не могли? Научатся...

КАРИНКА 5

Вечер. Делегаты в студтеатре Юнгородка. Идет премьера «Думы про Опанаса». На сцене — уболенный сединами Барковский (его знает каждый второй

в институте), изображающий Кобзаря, скорбящую Украину, мирское горе и идею режиссера В. Фельдмана вместе. На лице зловещие отблески красного прожектора. Рядом В. Костин (Опанас) в шерстяных лыжных гетрах. За сценой сам Фельдман с побелевшими глазами и прыгающей от злости губой. Зловещим шепотом он придур-

мывает наказание группе. А группа после трех бессонных ночей валится с ног и трясется от сонного озноба. Ужев Лету кануло время первой репетиции, а в ушах Фельдмана звучат последние прощальные слова Резунова, Дмитрия и Татьяны. Не выдержали непосильной тяжести и бросились... в науку. Все чаще Опанас принимает горизонтальное положение, все блаженней улыбается, прохаживаясь по сцене перед расстрелом, Петя Урау — комиссар Коган.

И Барковский еле поднимается с места, и струны шевельть забывает, и в финале сильные руки несут его за кулисы, а Нестор Шкуро выносит, заставляя кланяться и, обняв плечи Кобзаря, тут же засыпает, держась за занавес.

Делегаты потрясенно плетутся в институт, и там временно показавшийся откуда-то А. Лебедев изощрится в предновогодних вопросах к гостям. Гости не выдерживают.

— Дайте нам чтонибудь, дайте, куда записать.

Но председатель профкома уже ушел, предварительно заперев в стол все, что можно поднять одной рукой.

Делегаты в нервном возбуждении.

И вот тут под руку им попадает старинный номер «Молодости» в пору ее младенчества...

осуществили свои замыслы. На Омском вокзале группу ждало некоторое разочарование.

— Как проехать к политехническому институту? — Обращился руководитель к парню спортивного вида, у которого сидел значок с птицей непонятного происхождения и надписью СК ОПИ.

— К которому? — сквозь зубы уточнил парень.

Делегация пожалала плечами.

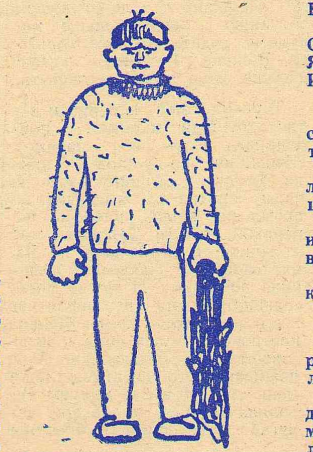
— На троллейбусе 19 оставовок, — отрезал парень.

Делегаты добросовестно считали, но обсчитались на одну остановку, выпрыгнули у общежития № 2 пединститута. С окон свешивались авоськи со старыми конспектами лекций и зачетками.

Живописная группа вылезла из дверей и на ходу переговариваясь: — Конь 13? — Балда! — Конь с6 — Ферзь d6! Сам Балда!

— Что это они? — заинтересовался один из делегатов.

— Четвертый день соревнования.

Т. ШЛЯХТИНА.

Вечером,

венчанным С вьюгой и холодом, Легче нам,

легче Не думать о пройденном. Верст не подсчитывать, Годы не взвешивать, — Просто грустить

Над притихшею печкою, Петь

Голоса так задумчиво

низкие,.. Хочется быть всем особенно близким,

Чуть-чуть добрее, немного нежнее, Может сильнее

И пусть даже злее, Злее к несчастьям; тверже к несчастьям

И хочется счастья — чуточку счастья. Бродит луна одиноким

прохожим Страшно хочется быть хороршим.

Н. МОРОЗОВА.

ЗИМНЕЕ

Когда бежишь по улицам

Закрытым зимней ночью, И каждый куст пугает тенью

новой, И каждый звук знакомый

Тогда мечтаешь, как о встрече с богом,

Как о нежданном исполненьи сна —

О чем-то доме с ласковым порогом,

Где ждут тебя бессонно три окна.

И залетаешь, словно в светлый рай,

В промерзший и таинственный трамвай.

Л. ИВАНОВА

Снежинками падают На мое сердце твои слова

Легкими, бледными... И оно покрывается инеем,

Потом корочкой льда... И все мерзнет, мерзнет...

Скольку же нужно будет Солнца,

Чтобы оно оттаяло?

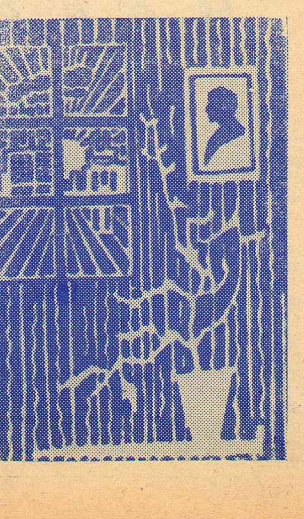
Я тихонько вылезая Из теплой постели.

Комната еще пахнет Моими снами,

За бледным окном шуршат Их уходящие тени...

А по улице меня хватает Ледяными руками мороз... Я задыхаюсь холодным туманом...

...и смеюсь...

С НОВЫМ ГОДОМ!

НО ФАКТ!

Невероятно,

Мы были скептиками и не верили в чудеса, а в церковь иногда ходили по двум причинам: посмотреть на иконы и росписи — во-первых. А во-вторых, — узнать, не требуются ли... маляры для покраски купола. Впрочем, это была всего лишь традиционная фраза художников, шутка.

Нас было пять безбожников, переступивших порог храма. Шла служба, и богомольные старушки усердно отбивали земные поклонь, смешно оттопыривая при этом... локти. Последнее обстоятельство требовало

максимума печальных мыслей, чтобы удержаться от непрошеной улыбки, могущей оскорбить религиозные чувства верующих.

Но, что это такое? Женька Раздиринцев, выражая глазами предельную печаль и скорбь, вдруг стал медленно клониться к полу, то ли собираясь осенить себя святым крестом, то ли... завязать распутившийся шнурок у ботинок.

Выдержка изменила нам, и мы пробкой вылетели на свежий воздух, проклиная Женькину затею, а Женька, наш кадровый

«хохмач», всерьез уверял, что на этот раз все произошло совершенно случайно и что он просто диву дается, чего это нам захотелось вдруг подышать свежим воздухом.

Незаметно вспыхнул спор на тему «Что такое случайность?». Оставшись с Женькой вдвоем, — поскольку другим эта тема быстро наскучила, — мы стали задавать друг другу каверзные вопросы, стараясь запутать и поймать противника на слове.

Упал батюшка-поп с колокольни и не разбился.

— Случайность?

— И при повторном падении не разбился!

— Чудо, — сразу сообразил Женька.

— Не чудо, а совпадение, — подсказал я, — ну, а если и в третий раз тот же самый результат?

— Невероятно! — удивился Женька, — что бы это могло быть?

— Привычка! — торжествующе сказал я, и мы дружно расхохотались.

— Вредная привычка, — насмешливо хихикнул Женька, протягивая сигарету, — когда стрелять перестанешь?

— Пока рука и глаз не перестанут верно служить, — лихо отпарировал я.

— Это будет уже не привычка, целое покушение на теорию вероятности, — мудро обобщил Женька, поназал рукой на колокольню.

Да, покушение на теорию вероятности! Не знаю, что мной плохого сделали, но только с некоторой поры все пошло вопреки знаменитой теории вероятности. Первый удар был нам нанесен в зимнюю сессию, когда Женька, довольно прилично знавший английский, — вдруг срезался на зачете. То же самое ожидало и меня. Зато первый экзамен я сдал с блеском и ходил с прекрасным настроением, пока не узнал, что и Владик получил на экзамене... отлично. Это становилось уже подозрительным: не слишком ли много совпадений? Если так и дальше пойдет, то и вовсе станет невыносимым!

Честно признаться, в эту минуту я подумал о Веронике. Что будет со мной, если... До сих пор я не переставал надеяться, хотя замечал, что она старается обойти Женьку стороной. Неужели, благодаря какой-то нелепой прорехе в старой доброй теории вероятности, равноду-

шие Вероники к Женьке автоматически переключится и на меня. А что если и Женька влюбится в мою Веронику? Это будет пострашнее, чем одинаковые отметки в зачетке!

Подкараулив Женьку в укромном местечке, я задал ему с целью проверки ужасного предположения, один - единственный вопрос:

— Нравится тебе... Вероника?

— Да что ты?! — испугался Женька.

— Славу богу! — обрадовался я и вздохнул, наконец, с большим облегчением.

Видно, у любви свои собственные теории и свои законы. И прежде всего, любовь делает людей благородными и чуткими. Поэтому, долго не раздумывая, я пошел в профком и раздобыл у Олега два приглашения билетов на новогодний вечер: себе и Женьке.

Уж полночь близится, а Женьки-то все нет и нет, — надрывно пел репродуктор: по радио передавали концерт художественной самодеятельности. Сладко зевнув, я поднялся с дивана и взглянул на часы. Действительно, Женька опаздывал. Подождав еще минут десять, я отправился к Женьке. Стелла, его сестра, растолковала, что Женька пять минут, как вышел из дому. Вернувшись домой, Женьки я нигде не встретил, а от домашних узнал, что он приходил и тотчас пошел развешивать меня. Таким образом, благодаря неблагоприятному стечению обстоятельств, мы умудрились дважды разминуться в пути. Чего доброго, так и до утра можно искать друг друга! Анализируя сложившуюся ситуацию, я решил больше нигде не ходить, пока не появится Женька. Разумная логика должна была восторжествовать.

Терпение, мой мальчик, и ихтиозавры будут нашими, — подбадривал я сам себя любимой Женькиной поговоркой. Чтобы не смотреть слишком часто на часы, спрятал их в карман, но время, как назло, плелось черепашкой. Ничего. Терпение, мой мальчик, и ихтиозавры... Да, ихтиозавры... Любимая Женькина поговорка. И тут до моего сознания дошло, что вероятнее всего в это самое время Женька преспокойно сидит дома и вспоминает своих ихтиозавров. А я дожидаюсь его здесь. А он идет меня там. И в эти минуты Вероника скучает на вечер. Обругав себя ослом, я бросился

в редакцию от вас новых интересных работ!

Терпение, мой мальчик, и ихтиозавры будут нашими, — подбадривал я сам себя любимой Женькиной поговоркой. Чтобы не смотреть слишком часто на часы, спрятал их в карман, но время, как назло, плелось черепашкой. Ничего. Терпение, мой мальчик, и ихтиозавры... Да, ихтиозавры... Любимая Женькина поговорка. И тут до моего сознания дошло, что вероятнее всего в это самое время Женька преспокойно сидит дома и вспоминает своих ихтиозавров. А я дожидаюсь его здесь. А он идет меня там. И в эти минуты Вероника скучает на вечер. Обругав себя ослом, я бросился

бегом на остановку троллейбуса...

Вечер был в самом разгаре. Веронику я встретил на третьем этаже, в актовом зале. Но она была не одна. Рядом с ней сидел какой-то парень, которому она приветливо и мило улыбалась. Подошла поближе, я узнал парня. Это был... Женька! Какое низкое коварство! Что теперь делать? Разве может влюбленное сердце перенести такой жестокий удар судьбы? Нужно было срочно что-то предпринять, но что? Забравшись на печальную колокольню обманутых надежд, я выгнул из кармана... авторучку и бросился вниз. Земля принимала меня в свои объятия. Последнее, что я успел напоследок сделать — написал этот рассказ. Невероятно, но факт!

В. ЛОСКУТОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция газеты «Молодость» сегодня отмечает, что она вступает в третий год своего существования. За два прошедших года нашей «Молодости» пришлось увидеть нескольких редакторов, нескольких ответственных секретарей разного темперамента и вкуса. Но «Молодость» выстояла. Основной же ее состав остался прежним. Ее литературные и художественные силы растут и стараются сделать ее как можно лучше.

В Новогодний праздник редакция от души благодарит своих бесценных художников Анастасию Савкина, Дмитрия Гутенева, Любу Похаренко и подающих надежды новичков — Вадима Кутнего, Евгения Фельдмана.

Радостно, что можно в предпраздничные дни сказать «спасибо» и нашим писателям и поэтам — Оле Миросининой, Лиде Ивановой, Ю. А. Плотову, В. Лоскутову, работникам библиотеки, преподавателям кафедр физвоспитания и другим.

Ждем от вас новых интересных работ!

За редактора А. ГУСЕВ.

Новелла

Город жадно дышит.

Город...

За кажущейся сутолокой в нем таится что-то большое, то, что неожиданно может поразить твою душу нечаянно подсмотренной красотой, песней или просто улыбкой прохожего.

Город упруго дышит.

Люди деловито едут куда-то, так же деловито работают и еще деловитее спешат домой.

Последнее время город лихо радил как-то по-особенному: приближался Новый год. И вся эта предпраздничная толкотня и двери магазинов, отступающих надежды посетителям — наполняли сердце тревогой, неосознанной тоской по чему-то светлому и чистому, которое, как ни странно, проходило мимо тебя.

Я представляю радость, ну, например, этой женщины, которая, мечтательно улыбаясь, несет пакет с подарком, вероятно, мужу или сыну.

Радость...

Радуются все. Улыбаются встречные девушки. Я им тоже отвечаю улыбкой, но на душе у меня почему-то очень грустно.

Снег...

Снег — это тоже радость. Он оседает на воротники прохожих, на жесткий и холодный асфальт, весело хрустит под ногами...

Мороз...

Колочий и резкий мороз. Но он тоже — радость. И хотя глаза слезятся, а губы шепчут проклятия этой холодине, от которой ежится зябко душа, — сердце поет гимн весне, что непре-

менно должна прийти после ожесточенных морозов и февральских выгов...

Захожу в магазин. Долго брожу людским коридором. Пристально приглядываюсь к покупателям и тихонько радуюсь их маленьким радостям.

Вот внимание мое привлек старик в белом полушубке с набором всевозможных покупок. Из-за расстегнутого полушубка его выглядывает кусок старой тельняшки.

Отдел пластинок. Музыка...

Дед с упоением слушает мелодию. Он даже весь подался вперед. Лицо его задумчиво и печально. Иногда пробегит по сморщенным обветренным губам его волнующая улыбка. Старик что-то вспоминает. Что волнует его в этой бесхитростной мелодии? Что или кого напоминает она ему? Может быть его беспокойную юность, которая давно улетела. Вся сутолока представляется мне уже как одна от-

ромная человечья душа.

Люди — мысли. Разные.

Над Иртышом клубится пар. Черным провалом зянет одинокая полянка. Снег сверкает и режет взгляд. Морозное марево расстилается над всем городом. Деревья в голубоватом инее.

Я задумчиво и медленно бреду по улицам, сверкающим в своем праздничном убранстве.

Я думаю.

Думаю о том, что вот скоро наступит еще один Новый год, новый потому, что таит в себе неизвестные судьбы и свершения.

Что же он принесет мне, ему, ей, всем нам? Что?

Горести и радости? Мелкие мысли или большое чувство? Что?

Хочется верить в лучшее. И я верю. Радуюсь неизвестному. Радуюсь погоде, песне, случайной улыбке.

Я улыбаюсь.

В. КАЙКОВ.